

Политический экстремизм и терроризм в Японии во второй половине 60-х — 90-е гг. XX в. в контексте всемирной истории

Виталий Владимирович Совастеев,

доктор исторических наук, профессор, Владивосток.

E-mail: vasgen@bk.ru

Дмитрий Вячеславович Поташёв,

адвокат, Приморская краевая коллегия

адвокатов, Владивосток.

E-mail: pravozashit@mail.ru

В статье рассматривается деятельность политических экстремистских и террористических организаций в Японии в 60 — 90-е гг. XX в. в контексте всемирной истории, анализируются их идейно-теоретическая основа, формы и методы негативного и разрушающего воздействия на общество и государственные структуры. Авторы прослеживают идейно-теоретическую и практическую связь между многочисленными организациями «новых левых», «новых религий» и политическим экстремизмом и терроризмом в Японии. Выявлены основные факторы экстремизма и терроризма — политические, экономические, социальные, национальные, конфессиональные и психологические. Установлено прямое влияние на деятельность «Антивоенного молодёжного комитета» идеологии и экстремистской практики «новых левых» в странах Западной Европы в 1960—1970-е гг. Охарактеризованы идеология «новых религий» в Японии в 1990-е гг. и негативное влияние на мировое сообщество разрушительной деятельности секты «Аум синрикё». Сделаны выводы о закономерности возникновения и развития политического экстремизма и терроризма в Японии во второй половине 60-х — 90-е гг. XX в. в связи с радикальными изменениями в расстановке политических сил в мире и стране, что привело к трансформации общественного сознания молодёжи, политические экстремистские действия которой не отличались высокой организованностью и были направлены против основ авторитарного патриархального общества и государственной власти.

Ключевые слова: экстремизм, политический терроризм, Япония, «Антивоенный молодёжный комитет», «новые левые», «новые религии», «Аум синрикё».

Political extremism and terrorism in Japan

in the second half of the 1960's — 1990's in the context of world history.

Vitalij Sovasteev, Vladivostok, Russia. E-mail: vasgen@bk.ru

Dmitrij Potashjov, Primorye regional bar association, Vladivostok, Russia.

E-mail: pravozashit@mail.ru

The paper deals with activity of political extremist and terrorist organizations in Japan in the 1960—1990's in the context of world history. Their ideological and theoretical basis, forms and methods of negative and destructive effect on society and

state structures are analyzed. The authors follow the ideological, theoretical and practical links between numerous organizations of “new leftists” and “new religions” and political extremism and terrorism in Japan. The basic factors (political, economic, social, national, faith and psychological) of extremism and terrorism are identified. Direct influence of ideology and extremist practices of “new leftists” in West Europe in the 1960—1970’s on the activity of the Anti-War Youth Committee are characterized. The ideology of “new religions” in Japan in the 1990’s and adverse effect of destructive activity of Aum Shinrikyo sect on the world community are characterized. The conclusions are made about regularity of emergence and development of political extremism and terrorism in Japan in the second half of the 1960’s — 1990’s in connection with sweeping changes in alignment of political forces in the world and the country resulting in a transformation of the youth’s opinions whose political extremist actions were not highly organized and directed against the basis of the authoritarian and patriarchal society and state authority.

Key words: extremism, political terrorism, Japan, Anti-War Youth Committee, “the new leftists”, “the new religions”, Aum Shinrikyo.

В современном мировом научном сообществе совершенно определённо установлено, что из многих разновидностей экстремизма — политического, этнонационального, религиозного, уголовного и др. — наибольшее распространение получили религиозно-политический экстремизм и терроризм. При этом эксперты отмечают, что возникновение последних связано с размыванием традиционного общества и формированием общества модернизированного, ориентированного на либеральные ценности [6].

К основным причинам, обуславливающим появление и развитие экстремизма и терроризма, исследователи относят совокупность цивилизационных, политических, экономических, социальных, национальных, конфессиональных и психологических факторов, подчёркивая их тесную взаимосвязь и взаимодействие [6].

Идеология экстремизма представляет собой «комплекс радикальных идейных установок и теоретических воззрений (крайне левых, крайне правых, национал-экстремистских, сепаратистских, великодержавных, религиозных, социально-экономических и духовно-психологических), выступающих теоретическим обоснованием применения насилия в различной форме на нелегитимной основе для достижения преимущественно политических целей» [4]. Большинство исследователей понимает под терроризмом один из методов политической борьбы, отвергающий сотрудничество, компромиссы с противодействующей стороной и отражающий наиболее агрессивные установки субъекта, а также негативный социальный протест, развивающийся на различных уровнях: на уровне общества, классов, отдельных общественных слоёв, этнонациональных и конфессиональных групп [4].

Современный политический экстремизм неотделим от политического терроризма, который является одним из крайних выражений экстремистской деятельности. В последние десятилетия политический экстремизм

всё чаще обращается к организованному использованию террористических актов как основному средству достижения своих целей. Многочисленные факты такого рода наблюдались на Северном Кавказе, в Центральной Азии, Афганистане, Ираке, Югославии, Ольстере, на Ближнем Востоке [4].

Международное сообщество категорически отрицает политический экстремизм и терроризм как средство для достижения политических целей. Борьбу с этими явлениями ООН провозгласила в качестве одной из своих приоритетных задач. Так, учитывая усиление угрозы терроризма миру и стабильности всех государств, безопасности и благосостоянию всех граждан, международному сотрудничеству, Генеральная ассамблея Организации Объединённых Наций 9 декабря 1994 г. приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма. Отправной точкой формирования специализированного антиэкстремистского, анти-террористического законодательства в Западной Европе послужил рост проявлений экстремизма и терроризма в начале 70-х гг. XX в. В итоге были созданы предпосылки для объединения усилий ряда европейских стран в развитии внутреннего и международного законодательства в области борьбы с терроризмом. Ведущие западные государства — Англия, Германия, Испания, Италия, Франция — не только произвели структурные изменения в действующем законодательстве, но и приняли ряд специальных антитеррористических законов [4].

Для России данная проблема не менее актуальна. Президент РФ В.В. Путин в послании к Федеральному собранию 12 декабря 2014 г. подчёркивал опасность любых проявлений политического экстремизма, «„простых и окончательных“... решений, которые предлагаются националистами и экстремистами разного толка и оттенка». По его мнению, несмотря на громкие слова, эти люди тянут страну к общественной деградации и распаду. Их попытки провоцирования межэтнической напряжённости, религиозной нетерпимости следует рассматривать как вызов единству Российского государства и потенциальную угрозу его населению. В связи с этим законодательство РФ категорически не допускает появление в стране замкнутых политических объединений, религиозно-этнических анклавов с собственной неформальной юрисдикцией, существующих вне единого правового и культурного поля государства, игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила [3]. Более того, в связи с курсом России на экономическую интеграцию в АТР — наиболее перспективный и динамично развивающийся регион мира — в современных условиях глобализации становится весьма актуальной необходимость научного междисциплинарного (исторического, философского, религиоведческого, политологического, правоведческого, культурологического) анализа проблем теории и практики политического экстремизма и терроризма, всестороннего исследования условий их возникновения, выявления содержания, характеристик, основных определяющих факторов, влияющих на распространение их разрушительной идеологии в современном мире, обнаружения путей их преодоления [12].

В статье предпринята попытка рассмотрения данных проблем в контексте всемирной истории и политической истории Японии второй половины 60-х — 90-х гг. XX в. Тогда характерной чертой её внутривнутриполитической жизни было появление многочисленных экстремистских и различного рода террористических организаций. Достоверно установлено, что на территории Японии до начала 1960-х гг. преобладали левоэкстремистские политические организации и террористические объединения именно «левого» толка. Одной из таких организаций, чья деятельность являлась весьма заметной в рассматриваемый период, стал «Антивоенный молодёжный комитет» (Хансэн сэйнэн иинкай, сокращённо — Хансэнин).

Историки и теоретики экстремизма считают точной датой его создания 30 августа 1965 г. Появление Хансэнина было связано с развёртыванием борьбы против заключения японо-южнокорейского договора и агрессивной войны США во Вьетнаме. Эта организация возникла по инициативе молодёжного отдела Социалистической партии Японии (СПЯ), Молодёжного отдела Генерального совета профсоюзов (Сохё) и Лиги социалистической молодёжи, находившейся под политическим влиянием СПЯ. Кроме них в создании «Антивоенного молодёжного комитета» приняли участие представители молодёжных отделов отраслевых объединений профсоюзов, студенческих организаций, Лиги демократической молодёжи, работавшей под руководством коммунистической партии Японии (КПЯ) [14, с. 36]. Однако это протестное движение не являлось монолитным, т.к., например, Лига демократической молодёжи выразила несогласие с политикой и лозунгами создаваемого политического объединения и отказалась участвовать в его деятельности.

По замыслам создателей, «Антивоенный молодёжный комитет» должен был стать «независимой организацией совместной борьбы», объединяющей в себе «все молодёжные и студенческие организации, а также отдельных лиц, согласных с двумя целями — протестной борьбой против агрессии США во Вьетнаме и борьбой за предотвращение ратификации японо-южнокорейского договора» [14, с. 37].

К 1968 г., когда уже сложилась устойчивая структура Хансэнина, его участниками стали молодёжные отделы СПЯ, «Сохё» и крупнейших объединений отраслевых профсоюзов, Лига социалистической молодёжи. А в качестве наблюдателей вошли представители студенческих группировок расколовшейся Всеяпонской федерации органов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн) — «Сампа» («Три Франции») и «Какумару» («Революционные марксисты»), — отличавшиеся экстремистским характером своих действий [14, с. 206—207]. Новым моментом этого протестного движения было участие представителей студенчества. Важно, что «Антивоенный молодёжный комитет» ставил своей задачей массовое привлечение новых членов. Этому соответствовала его организационная структура: общенациональные и профессиональные объединения строились на основе коллективного членства; на уровне городских и сельских объединений параллельно допускалось индивидуальное и коллективное

членство, а низовые объединения (производственные и местные) основывались на индивидуальном членстве. Последнее обстоятельство имеет решающее значение для понимания сочувственного отношения к «Антивоенному молодёжному комитету» Социалистической партии, не имевшей своих низовых организаций на производстве. Она прилагала усилия к их созданию, хотя её деятельность в этом направлении носила скорее декларативный характер [5, с. 50]. Хансэнин мог заполнить вакуум, который создался в результате неэффективной деятельности СПЯ на производстве. Его теоретики ясно выразили свою основную идею: в условиях отсутствия на производстве социалистической политической организации комитет берёт на себя роль «заводской партии» [14, с. 180].

В момент создания Хансэнин ставил перед собой вполне определённые цели: борьбу против агрессии во Вьетнаме и срыв ратификации японо-южнокорейского договора. Этому отвечали выдвинутые лозунги: «Протестуем против войны во Вьетнаме!», «Америка, руки прочь от Азии!», «Силой предотвратим ратификацию японо-южнокорейского договора, направленного на создание антикоммунистического военного союза!», «Возвратим Окинаву!», «Не превращать Японию в базу для агрессии!», «Свергнем кабинет Сато — пособника войны, завоюем лучшую жизнь для студентов!». Последний лозунг указывал на стремление руководства организации к расширению рядов путём массового привлечения учащихся вузов. С другой стороны, тот факт, что студенческие организации вошли в состав комитета на правах наблюдателей, свидетельствует об их стремлении оставить за собой определённую свободу действий.

В 1966 г., когда выяснилось, что предотвратить ратификацию японо-южнокорейского договора не удалось, в деятельности «Антивоенного молодёжного комитета» наступил застой. В 1968 г. встал вопрос о тактике Хансэнина, о его идейно-теоретической платформе и отношении к существующим левым партиям. Большое значение для деятельности комитета имела «Майская революция» 1968 г. во Франции, в результате которой пал режим генерала де Голля. Несомненно, что под её влиянием начался рост студенческих выступлений в Японии. Так, например, комитет выразил солидарность с движением студентов во Франции, увидев в нём «свет, озаряющий будущее нашей страны» [14, с. 9]. Во вновь принятых документах «Антивоенного молодёжного комитета» была дана переоценка форм и методов борьбы против заключения японо-американского договора безопасности 1960 г. Кроме того, подверглась резкой критике и роль рабочего класса в выступлениях 1960 г.: «В этой борьбе рабочий класс не сумел выполнить свою роль как руководящий класс всего народа»; «Такие действия рабочего класса, как борьба силой забастовки (дзицурёку тосо), на производстве были крайне неприемлемы»; утверждалось, что «в этих условиях руководящую инициативу взяли на себя студенты, городские слои, интеллигенция» [14, с. 153]. В таких оценках проявилось стремление Хансэнина «высвободиться» из-под влияния СПЯ — «Сохё». В итоге деятельность «Антивоенного молодёжного комитета» подпала под влияние студенческого

политического протестного движения, и комитет воспринял его идеологию и тактику прямого столкновения с государственной властью. Под воздействием активизации протестного молодёжного движения в Европе в 1968 г. стала стремительно нарастать волна студенческих выступлений в Японии, достигнув наибольшего размаха в 1969 г. Для усмирения бунтующих студентов подразделения полиции вводились в 44 студенческих городка более 50 раз [11, с. 501, 503]. Политические конфликты зачастую приобретали острый характер, иногда дело доходило до рукопашных схваток, строительства баррикад и уличных боёв. Студенты создавали «освобождённые районы» и отстаивали их в борьбе с полицией [11, с. 503]. Призывы о развёртывании баррикадных боёв стали не только обычным, рядовым, но и самым распространённым и массовым явлением. Например, на митинге молодёжных организаций в парке Хибия в Токио 5 сентября 1969 г. одним из лозунгов, выдвинутых участниками, был: «Займём баррикадами вузы всей страны!» [10, с. 6]. Таким образом, в 1969 г. студенческие выступления стали основной формой деятельности «Антивоенного молодёжного комитета». Тактика уличных боёв и прямых столкновений с властью была возведена в абсолют и распространялась в Японии в качестве универсального и наиболее эффективного средства борьбы. Члены комитета уже не довольствовались участием в уличных демонстрациях и маршах протеста. Они жаждали рукопашных схваток с полицией и не только подстрекали, но и подталкивали к таким действиям массы демонстрантов. Эти методы были привнесены в движение экстремистскими группировками студентов «Сампа» и «Какумару», которые участвовали в Хансэине в качестве «наблюдателей». Их влияние оказалось преобладающим только потому, что внутри комитета не было единства и он представлял собой верхушечную организацию, построенную из различных самостоятельных политических объединений, позиции которых часто не совпадали, а сама идейная база Хансэина была эклектичной, расплывчатой и нечёткой [14, с. 97].

Коммунистическая партия Японии охарактеризовала действия «Антивоенного молодёжного комитета» как проявление троцкизма; идеологию и программу движения оценили как «пустозвоние, отдающее крайним экстремизмом», а линию поведения осудили как «провокационные действия против рабочего класса и демократических сил Японии» [9].

Таким образом, в деятельности Хансэина просматривается прямое влияние и сходство с движениями «новых левых» 50—70-х гг. XX в. в Западной Европе, которые с помощью экстремистских и террористических действий стремились создать революционную ситуацию. В связи с этим необходимо отметить, что японские исследователи в своё время вполне правомерно выделяли пять элементов, составлявших идейную базу политического движения «новых левых» в Японии: 1) бланкизм как движение революционного меньшинства; 2) анархизм, отрицающий государство и революционные партии; 3) синдикализм, возводящий в культ прямые действия профсоюзов, всеобщие стачки; 4) радикализм городских слоёв; 5) троцкизм под лозунгами «антиимпериализма,

антисталинизма» [12, с. 359]. Кроме того, японские «новые левые» находились также под влиянием идей Г. Маркузе. Характерно, что идеологи «Антивоенного молодёжного комитета», критикуя социалистическую партию Японии, употребляли маркузианский термин «интегрированная в систему» («тайсэй найка сарэта») [14, с. 191], и весь анализ рабочего движения, проделанный ими, по существу был подчинён одной цели — доказать, что оно тоже «интегрировано в систему».

Своеобразным испытанием для Хансэнина стал 1970 г., когда в Японии развернулась борьба между правительством и демократическими силами за отмену договора о безопасности, закончившаяся поражением демократических сил. Тактика прямых действий «Антивоенного молодёжного комитета», призванная всколыхнуть общество и создать революционную ситуацию, не увенчалась успехом. Вскоре после подписания четырёхстороннего соглашения 1973 г. о прекращении войны во Вьетнаме и восстановлении мира перестала быть актуальной и тема агрессии США во Вьетнаме и участия в этом Японии. Поэтому и деятельность комитета постепенно сошла на нет.

В Японии тогда существовали и другие экстремистские и террористические организации «левого» толка. Одной из них была находившаяся под влиянием маоизма «Сэкигунха» («Красная армия»), стремившаяся развернуть партизанскую войну в труднодоступных районах страны. Однако её деятельность не имела большого распространения и политического резонанса.

Во второй половине 60-х — 70-е гг. в Японии отмечалось преобладание левоекстремистских организаций, оттеснивших на второй план деятельность правоекстремистских обществ. К последним, в частности, можно отнести «Общество щита» («Танэно-кай») известного японского писателя Мисимы Юкио. После неудавшегося государственного переворота в ноябре 1970 г. Мисима совершил ритуальное самоубийство, и, лишившись своего политического лидера, «Общество щита» прекратило своё существование [1, с. 131].

В последующие годы во внутривнутриполитической жизни Японии существовал определённый баланс в деятельности лево- и правоекстремистских политических организаций и объединений. Ситуация резко изменилась к 1990-м гг., когда 20 марта 1995 г. была проведена газовая атака в Токийском метрополитене, что не только взбудоражило японское общество, но и ввергло его в панику. Как утверждал московский корреспондент газеты «Токио симбун» Х. Инагума, «это был самый ужасный за послевоенные годы инцидент» [2, с. 75]. За этим стояла религиозная организация «Аум синрикё», которую возглавлял Асахара Тэруаки. Характерно то, что большинство приверженцев «Аум синрикё» составляла японская молодёжь. Это обстоятельство отражало определённые перемены в умонастроениях юношей и девушек по сравнению с периодом 1960—1970-х гг. Х. Инагума писал в связи с этим: «В большей части статей подчёркивалось, что японская молодёжь, будучи продуктом машинной (индустриальной). — В. С., Д. П.)

цивилизации, сделалась бесхарактерной, утратила способность к критическому осмыслению живого слова и с лёгкостью вводилась в заблуждение софистами типа Асахары. Среди приверженцев „Аум синрикё“ оказалось немало представителей молодёжной элиты — выпускников известных вузов, но ведь при японской экзаменационной системе с её механической оценкой знаний от них требуется наращивание не мыслительного, а лишь запоминательного потенциала, как у роботов» [2, с. 76].

Религиозная организация основана в 1984 г. под названием «Аум», а в июле 1987 г. она была переименована в «Аум синрикё» [8, с. 23]. К 1995 г. число её приверженцев в Японии составляло 15 тыс. чел. [2, с. 75]. «Аум синрикё» имела разветвлённый характер и распространила свою деятельность за пределы Японии. За границей её опорными пунктами стали четыре государства — США, Германия, Россия и Шри Ланка [8, с. 24]. В РФ всего лишь за три года этой организации удалось вовлечь в свои ряды 30 тыс. чел. [8, с. 25].

Деятельность «Аум синрикё» вписывается в рамки т.н. новых религий, которые получили большое распространение в Японии после Второй мировой войны. Для них были характерны авторитарная система, акцент на работу с молодёжью и активная прозелитская деятельность. По классификации, которую даёт известный российский японовед Г.Е. Светлов [7, с. 416—417], «Аум синрикё» можно отнести к «смешанным религиям», доктрина, догмы и религиозная практика которых складывались на основе различных религиозных течений.

Исследователи по-разному характеризуют течения, которые легли в основу идеологии «Аум синрикё». В частности, утверждается: «ОМ (AUM) называется понятие санскритского происхождения, которое на санскрите означает „создание, поддержание и разрушение космоса“, идеология «включает в себя тибетскую магию, первоначальный буддизм и индуизм» [8, с. 22]. Но такая характеристика является неполной и относится скорее к изошрённой психологической технике, чем к доктринальной стороне учения. Правильнее выглядит описание этого учения как «комплекса тибетских тайных учений, буддизма и христианства». «Предрасположенность „Аум“ к глубоким теоретическим штудиям в конце концов придала логичность сумасбродным идеям Асахары, превратила его антисоциальное мировоззрение в серьёзную доктринальную оболочку» [2, с. 77]. Выяснено, что деятельность «Аум» стала экстремистской, а сама секта двинулась по пути милитаризации с того момента, когда Асахара познакомился с «Откровением Иоанна Богослова», в котором рассказывается о пришествии Царства Божия и гибели земных царств [2, с. 77]. Опираясь на содержащееся в «Откровении» предсказание последней войны (Армагеддона), секта начала вооружаться.

Также истоком «Аум» является исследование одного из направлений «Ваджраяны» («Алмазной колесницы»), истолкование которого послужило обоснованием того, что нужно смело творить зло во имя спасения: «зло, творимое во имя спасения, — святое зло» [2, с. 77].

Асахара пришёл к убеждению о необходимости «самостоятельной подготовки и самостоятельного проведения» Армагеддона. Незадолго до газовой атаки в Токийском метрополитене он ознакомился с книгой японского психиатра Т. Кавадзары под названием «Сценарий уничтожения», в которой обосновывалась точка зрения, согласно которой все агрессивные действия Гитлера были сознательно нацелены на реализацию пророчеств Нострадамуса [2, с. 79]. Кроме того, ранее Асахара перевёл старинный манускрипт Нострадамуса.

Как уже отмечалось, деятельность «Аум синрикё» приобрела большой размах в России, не ограничившись только религиозной сферой. В 1994 г. организация закупила вертолёт Ми-17 и планировала организацию учебных стрельб с использованием российского оборудования и вооружения. Японской полицией был арестован Хаякава Кидайка — один из руководителей «Аум синрикё», который часто навещался в РФ с целью установления контактов с соответствующими военными кругами [8, с. 25].

Впоследствии в японских средствах массовой информации подробно освещался судебный процесс над главой «Аум синрикё» Асахарой [13].

Таким образом, возникновение и развитие протестного движения в форме политического экстремизма и терроризма в Японии во второй половине 60-х — 90-е гг. XX в. стало закономерным явлением, обусловленным радикальными изменениями в расстановке политических сил, в общей ситуации в мире и в стране и, как следствие, соответствующими максималистскими сдвигами в общественном сознании населения, особенно молодёжи. В то же время все эти массовые протестные движения и проводимые политические и экстремистские мероприятия, не отличающиеся единообразием, высокой степенью организованности и монолитности, были направлены против жёсткой внутренней и агрессивной внешней политики государственной власти, а также основных устоев иерархичного авторитарного патриархального общества.

В настоящее время, в условиях глобализации, в Японии, как и во всём мире, сохраняется угроза нарастания опасности политического экстремизма и терроризма (в связи с наличием в стране многочисленных организаций и объединений, значительно трансформированных по сравнению с «Аум Синрикё», но сходных с ней по идеологии и структуре), что побуждает правительство принимать определённые меры по постоянному совершенствованию антитеррористического законодательства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 500 знаменитых японцев. М.: Япония сегодня, 2003. 296 с.
2. Инагума Х. Асахара и безумства «Аум синрикё» // Знакомьтесь — Япония. М., 1996. № 13.
3. Послание президента РФ Федеральному собранию: полный текст // Regnum: информационное агентство. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1603695.html> (дата обращения: 14.12.2014).

4. Противодействие экстремизму и терроризму в зарубежных странах: состояние и проблемы // Экстремизм.ру: информационный портал. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/877-protivodeystvie-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-zarubejnyh-stranah-sostoyanie-i-problemy> (дата обращения: 14.12.2014).
5. Раховецкий Г. Японские социалисты сегодня // Азия и Африка сегодня. 1968. № 11.
6. Ханбабаев К.М. Сущность и профилактика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе // Экстремизм.ру: информационный портал. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/571-sushhnost-i-profilaktika-ekstremizma-na-severnom-kavkaze> (дата обращения: 14.12.2014).
7. Япония. М.: «Республика», 1992. 544 с.
8. Flash. 1995. 20 мая. Экстренный дополнительный выпуск.
9. Акахата. 1968. 18 дек.
10. Асахи дзянцу = журнал Асахи. 1969. № 38.
11. Асахи нэнкан. 1970 = Ежедельник Асахи. 1970. Токио, 1970. 610 с.
12. Кокка докусэн сихонсюги-то родо кумиай ундо. Кэнсю Оути Хё Эй, Сакисака Ицуро = Государственно-монополистический капитализм и профсоюзное движение. Под ред. Оути Хё Эй, Сакисака Ицуро. Токио, 1971. 410 с.
13. Майнити симбун. 1996. 24—26 апр.
14. Таками Кэйси Хэнтё. Хансэн сэйнэн иинкай = Антивоенный молодёжный комитет. Токио, 1968. 208 с.

REFERENCES

1. *500 znamenityh japoncev* [500 famous Japanese persons]. Moscow, Japonija segodn'a Publ., 2003, 296 p. (In Russ.)
2. Inaguma H. Asahara i bezumstva «Aum sinrike» [Asahara and desperation of Aum Shinrikyo]. *Znakom'ies' — Japonija*. Moscow, 1996, no. 13. (In Russ.)
3. *Poslanije prezidenta RF Federal'nomu sobraniju: polnyj tekst* [Address of the president of the Russian Federation to the Federal Assembly: full text]. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/1603695.html> (accessed 14.12.2014). (In Russ.)
4. *Protivodejstvije ekstremizmu i terrorizmu v zarubezhnyh stranah: sostojanije i problemy* [Countermeasures against extremism and terrorism in foreign countries: status and issues]. Available at: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/877-protivodeystvie-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-zarubejnyh-stranah-sostoyanie-i-problemy> (accessed 14.12.2014). (In Russ.)
5. Rahoveckij G. Japonskije socialisty segodn'a [Japanese socialists today]. *Azija i Afrika segodn'a*, 1968, no. 11. (In Russ.)
6. Hanbabajev K.M. *Sushhnost' i profilaktika ekstremizma i terrorizma na Severnom Kavkaze* [Prevention of and countermeasures against extremism]. Available at: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/571-sushhnost-i-profilaktika-ekstremizma-na-severnom-kavkaze> (accessed 14.12.2014). (In Russ.)
7. *Japonija* [Japan]. Moscow, «Respublika» Publ., 1992, 544 p. (In Russ.)
8. *Flash*. 1995. May 20. *Ekstrennyj dopolnitel'nyj vypusk* [Special additional edition]. (In Eng.)
9. *Akahata* [Akahata]. 1968. December 18. (In Japan.)
10. *Asahi dzantsy* [Asahi Magazine]. 1969, no. 38. (In Japan.)
11. *Asahi nankan*. 1970 [Asahi Weekly. 1970]. Tokio, 1970, 610 p. (In Japan.)
12. *Kokka dokusan sihonsugi-to rodo kumiai undo*. Kansu Outi Hje Ai, Sakiaka Itsuro [State and monopolist capitalism and trade union movement]. Tokio, 1971, 410 p. (In Japan.)
13. *Minity simbun*. 1996. April 24—26. (In Japan.)
14. *Takami Kaisi Hantje. Xansan sainan iinkai* [Anti-War Youth Committee]. Tokio, 1968, 208 p. (In Japan.)